

УДК 94

Сибирь начала 1930-х гг.

глазами хорватского коммуниста Антэ Цилиги

А. Н. Сидоров

*Национальный исследовательский Иркутский государственный
технический университет, г. Иркутск*

Статья посвящена воспоминаниям хорватского коммуниста Антэ Цилиги «Десять лет в стране великой лжи». Автор книги жил в СССР в 1926–1935 гг. В 1931 г. был арестован за участие в троцкистской группе. В 1935 г. добился высылки из СССР. Цилига оценивает общественный строй в СССР как государственный капитализм, где бюрократия является новым эксплуататорским классом. Он рассказывает о бедственном положении рабочего класса и крестьянства, о нравах бюрократии, о коррупции в сталинском СССР. В статье анализируются его впечатления периода сибирской ссылки.

Ключевые слова: сталинизм, троцкизм, репрессии, левый коммунизм, троцкисты, Сибирь, индустриализация в СССР, коллективизация, ссылка.

В эпоху, когда вышли воспоминания хорватского коммуниста Антэ Цилиги «Десять лет в стране великой лжи», Советская Россия была для Запада загадочной страной, сведения о которой были малочисленны и противоречивы. Первый том его воспоминаний «Десять лет в стране великой лжи» вышел в свет в 1938-м. В августе 1941 г. он закончил второй том «Сибирь. Земля ссылки и индустриализации». По словам автора, «эта книга пользовалась большим спросом, потому что в то время в Европе люди делились на тех, кто говорил “В России все хорошо” и на тех, кто говорил: “В России все плохо”. Цилига же подчеркивал, что «все позитивное было таковым лишь с локальной, национальной и этатистской точки зрения, тогда как с точки зрения общечеловеческой, социальной, политической и интернациональной, его линия была реакционной» [2].

Из воспоминаний Цилиги западные левые узнали о темной стороне успехов сталинской системы, о положении рабочего класса в СССР, о политических репрессиях и о попытках сопротивления. Изучение его биографии и произведений поможет нам понять, как на Западе оценивали советский опыт те левые и ультралевые, для кого понятия «социализм» и «свобода» были неразрывно связаны. Данная статья является вступлением к более широкому исследованию жизни и творчества Цилиги и рассматривает прежде всего его впечатления периода сибирской ссылки и анализ социальной структуры советского общества в его книге «Десять лет в стране великой лжи».

Антэ Цилица (Антон Цилица) родился 20 февраля 1898 г. в селе Шеговичи в коммуне Маршана, рядом с Пулой (ныне Хорватия) и умер 21 октября 1992 г. в Загребе.

После Первой мировой войны Антэ Цилица вступил в Хорватскую социалистическую партию, в 1920 г. присоединился к Югославской коммунистической партии. После того как Цилица вошел в Политбюро Центрального комитета Югославской компартии, руководство Коминтерна доверило ему управление революционной борьбой в Центральной Европе.

В 1926 г. он был изгнан из Югославии и отправился для учебы в Москву. Затем Цилица перешел в оппозицию к Сталину. 21 мая 1930 г. он был арестован в Ленинграде за участие в подпольной троцкистской группе. Цилица был приговорен к трем годам лишения свободы и направлен в политический изолятор в Верхнеуральске. Там он познакомился со многими оппозиционерами, например с Сергеем Тиуновым, членом Рабочей группы, лидером которой был Гавриил Мясников. В эти годы Антэ Цилица пришел к выводу, что истоки сталинской бюрократической диктатуры лежат в ленинизме и перешел на позиции левого коммунизма.

В мае 1933 г. истек срок его заключения. В Советском Союзе политзаключенным могли продлить заключение на неопределенный срок без предъявления нового обвинения. Цилица и его товарищи-югославы объявили голодовку. В ответ их перевели из Верхнеуральского политизолятора в другие места заключения. Цилица оказался в Челябинском изоляторе, где выдержал 23-дневную голодовку. После того, как он пригрозил совершить самоубийство в знак протеста, ОГПУ заменило ему заключение ссылкой в Восточную Сибирь. Цилицу перевели в Иркутскую тюрьму, откуда должны были отправить в Енисейск. Из-за болезни его путешествие прервалось в Красноярске. Цилица отказался ехать в Енисейск и в знак протеста вскрыл себе вены. Ему позволили остаться в Красноярске до выздоровления и отправили в больницу. В 1934 г. он был депортирован в Енисейск. Тем временем на Западе была организована кампания за освобождение Цилица. Благодаря своему итальянскому гражданству, в декабре 1935-го он добился выезда из СССР.

В ссылке Цилица впервые увидел изнутри жизнь советской провинции. Он уже не был чиновником Коминтерна, представителем привилегированного слоя и должен был разделить жизнь простых людей.

После того, как его первая попытка добиться высылки из СССР потерпела неудачу, хорватский революционер решил больше узнать о жизни в советской Сибири. «Еще вчера я был готов встретить смерть, чтобы вернуться в Европу, а теперь... я сожалел, что ГПУ отправило меня в центр Сибири, а не в ее отдаленные пределы» [3, с. 313]. Сибирь казалась другой планетой. «На языке сибиряков Россия – это всегда лишь европейская Россия, – вспоминал Цилица, – “Я еду в Россию” или “Я возвращаюсь в Россию” – говорили они. Сибирь, по их мнению и согласно их языку, – это не Россия» [3, с. 444]. Впрочем, по его мнению, в результате революции связи между Сибирью и европейской Россией значительно укрепились, произошел обмен населением и возникло «евразийское единство».

Ссылные не могли ни заниматься интеллектуальным трудом, ни работать на заводах (власти опасались пропаганды среди рабочих). Для них были открыты лишь должности конторских служащих: бухгалтеры, плановики, кассиры. В Красноярске Цилига устроился работать на «Сибирскую станцию народного хозяйства советского рыболовного промысла в пресной воде (реки и озера)». Ему было поручено привести в порядок раздел иностранной литературы в библиотеке станции. Затем работал бухгалтерским экспертом в Банке промышленности. В Енисейске он устроился бухгалтером в отделение строительства и ремонта треста «Полярный лес».

В Верхнеуральском политизоляторе политзаключенные различных политических взглядов не доверяли друг другу: троцкисты считали меньшевиков, эсеров и анархистов контрреволюционерами, а те воспринимали троцкистов как опальных большевистских вельмож. В ссылке настроения изменились. Вот как об этом пишет Цилига в эмигрантском меньшевистском журнале «Социалистический вестник»: «Социалисты, анархисты и коммунисты, которые в 1929–1930 гг. были разобщены между собой, успели за эти годы в значительной степени сойтись между собой в борьбе за свои человеческие и гражданские права. Этот единый фронт угнетенных и преследуемых групп рабочего движения против сталинских тюремщиков закрепляется и расширяется все больше в Советской России. Его нужно создать и за границей!» [1, с. 24].

Когда Цилига прибыл в Енисейск, в Ленинграде был убит Киров. Вскоре прибыла новая партия ссылных – депортированные из Ленинграда после убийства Кирова. По словам Цилиги, это были партработники-«зиновьевцы» и рабочие, признанные неблагоденными. Рабочие «не признавали наименование “зиновьевцы”, называть так себя казалось им болтовней и трусостью, они называли себя “ленинградцами” и гордо провозглашали: “Мы – отряд рабочего класса, а не группа бюрократических фрондеров”. Партработники же стремились любой ценой доказать свою благонадежность. ГПУ не признавало ленинградцев политическими ссылными и они не получали никакой помощи. Те из них, кто ранее занимал хорошее положение, были не без денег. Но основная масса находилась просто в ужасающем положении. ...» [3, с. 454].

Цилига вспоминает, что убийца Кирова Николаев приобрел необычайную популярность среди сибиряков. «Приходилось встречаться с совершенно обычными людьми, которые говорили о Николаеве с такой фамильярностью, что в первые мгновения было непонятно, о каком Николаеве идет речь. Многие люди адресовали ему лишь один упрек: “Не того надо было убить”» [3, с. 521].

Во время ссылки Цилига увидел изнутри, как работает новая плановая экономика, что представляет собой бюрократический класс и каковы отношения между бюрократией и рабочим классом. Сталинскую бюрократию Цилига считает новым эксплуататорским классом, присваивающим прибавочную стоимость. Причем внутри господствующего класса существует противостояние двух слоев: партийной бюрократии и беспартийных специалистов. Разделение власти между партократией и беспартийными специалистами можно было проследить в искусстве, науке, в армии, производстве и сельском хозяйстве.

«Спецы» как люди буржуазного происхождения были политически бесправны, но это компенсировалось материальными привилегиями. Коммуни-

сты же должны были хотя бы делать вид, что они хранят верность революционному аскетизму. Это проявлялось, например, в одежде. «Партийные секретари любят военный френч, как у Сталина, коммунисты, которые работают в промышленности, предпочитают удобную шубу, беспартийные специалисты одеваются по-европейски. Но их жены в том, что касается одежды, следуют единому правилу – моде» [3, с. 524]. Сталинская конституция 1936 г. провозгласила политическое равенство двух групп бюрократии.

По мнению Цилиги, противоречия между партработниками и беспартийными специалистами будут определять и дальнейшую историю России.

Во время своей работы в красноярских и енисейских учреждениях Цилига столкнулся с такими явлениями системы бюрократического планирования, как «приписки» и коррупция. По его оценке, бюрократический капитализм не может существовать без всеобщего надувательства: «Ложь и надувательство – вещи общепринятые и столь же соответствующие интересам государства, как и труд» [3, с. 452]. Так, среди бумаг, которые Цилига тайно вывез из СССР, были результаты бухгалтерской проверки ввода в эксплуатацию завода по производству оборудования для золотодобывающей промышленности. По итогам проверки выяснилось, что повышение цены строительства было на 32 % выше последних предписаний плана [3, с. 453].

В Красноярске Цилига стал свидетелем такого случая: «Директор завода (коммунист) и главный инженер (беспартийный) несколько раз получали деньги по счетам, которые уже были выплачены, и делили между собой полученные суммы» [3, с. 454]. Об этом узнали, виновные были приговорены к лишению свободы, но после отбытия заключения вернулись на прежние должности. В Енисейске секретарь окружного комитета ВКП(б) товарищ Искра, как язвительно пишет Цилига, решил для себя претворить в жизнь слова товарища Сталина «жить стало лучше, жить стало веселее». Он брал в долг в кооперативных магазинах дорогие ткани и продукты питания, но отдавать долги вовсе не собирался. ГПУ он мог не опасаться, так как знал, что зять начальника ГПУ, начальник службы контроля строительства в «Полярном лесе», позволяет себе расходы, которые он «вряд ли вернет в бухгалтерию предприятия» [3, с. 528].

Несмотря на коррупцию, противоречия между беспартийными специалистами и партработниками и пассивное сопротивление народных масс, новый господствующий класс, по оценке Антэ Цилиги, весьма жизнеспособен. Главный источник силы бюрократии и слабости пролетариата и крестьянства – постоянное пополнение эксплуататорского класса выходцами из народных масс.

Крестьяне смирились с колхозной системой потому, что «для крестьянина среднего достатка должность председателя колхоза или даже просто “бригадира” или “звеньевое” была бесспорным достижением. Перед ним открывались широкие возможности для деятельности, для раскрытия своих организаторских способностей...».

То же самое можно сказать и применительно к рабочему классу. «Те слои общества, которые поднимались вверх, одновременно пропитывались буржуазным духом, духом черствого эгоизма и низменного расчета». Рабочие с организаторскими способностями стремились войти в ряды бюрократов, их не волновала судьба остальных рабочих. В эпоху революционного спада ра-

бочие забывают о классовой солидарности и думают лишь об индивидуальной выгоде. Цилига рассказывает о своем знакомстве с бывшим рабочим, ныне заведующим политико-воспитательной частью Иркутской тюрьмы. Пэ Вэ Чэ (так его прозвали заключенные) знал, что в тюрьме много революционеров, не испытывал к ним вражды и интересовался их жизнью. Но о репрессиях он говорил: «Лес рубят – щепки летят». Он устроился работать в тюрьму, чтобы получить стипендию и окончить университет. По словам Цилиги, «Пэ Вэ Чэ думал лишь о своем собственном будущем, даже если оно и не “полностью” соответствовало социалистическому идеалу».

Россию после окончания первой пятилетки Цилига вслед за троцкистами сравнивает с Россией нэповской. Вновь после периода жуткой нищеты несколько вырос жизненный уровень, вновь стало явным социальное расслоение. Идеи рабочего самоуправления, как и «мелкобуржуазная уравниловка», остались в прошлом. Так, однажды в Енисейске загорелась лесопилка. Перед трестом возник вопрос: надо ли восстановить наполовину сгоревшую лесопилку или же лучше построить новую? Естественно, мнения рабочих никто не спросил. «И только когда речь заходит о проблемах, связанных с увеличением производства и повышением норм труда, собирают рабочих, чтобы возложить на них ответственность и связать с принимаемыми решениями» [3, с. 522].

Рабочие осознают свое угнетение и не верят официальной пропаганде, которая провозгласила их правящим классом. Например, железнодорожники Красноярска, когда на вокзал прибывал Транссибирский экспресс, на котором путешествовали партработники, специалисты и члены их семей, говорили: «прибыл поезд для рабочих». Зато когда приезжал рабочий поезд, они говорили: «прибыл поезд для хозяев» [3, с. 410]. Разочарование пролетариата, впрочем, не означало возникновения новой революционной ситуации, как рассчитывали леворадикальные критики сталинизма. «Угнетенный класс, который готовится перейти в наступление, не говорит о своих врагах иронически, он ненавидит их до бешенства» [3, с. 411].

Трудящиеся не доверяли ни сталинской компартии, ни оппозиционным коммунистам. Когда Цилига лежал в красноярской больнице, он поспорил со своими соседями по палате – старым большевиком, рабочим Иваном Григорьевичем и директором кислородного завода, бывшим рабочим. После этой стычки в палате установилось тягостное молчание, и Цилига понял, что люди не доверяют ни его противникам, ни ему: «Сегодня они спорят и ругаются, но что если завтра они вновь объединятся против нас?». Поэтому автор делает вывод, что если в Советском Союзе возникнет движение сопротивления, то возглавят его совсем другие люди.

Перед отъездом из СССР Цилига вспоминает, как изменилась страна: «За десять лет моего пребывания в СССР страна трижды изменила свой внешний облик. ...В 1926 г. меня встретила Россия нэпа. Россия 5-летнего плана 1928–1932 гг. увидела мой арест и заключение. Россия после 5-летнего плана, Россия нэпа государственного капитализма или, как тогда говорили, “лучшей, счастливой жизни” вскоре увидела мой отъезд. Такая страна, что бы ни случилось, не погибнет» [3, с. 551].

Накануне Второй мировой войны Антэ Цилига полагал, что в случае войны с Германией возможен сценарий военного переворота и отстранения

Сталина от власти националистически настроенными генералами. После войны Цилица пришел к выводу, что лицемерная идеология «пролетарского интернационализма» сохранилась, поскольку способствовала интересам сталинской имперской политики.

В годы Второй мировой войны он перешел от левого коммунизма к социал-демократии и от пролетарского интернационализма к хорватскому национализму. Цилица был сторонником создания на территории бывшей Югославии суверенных демократических государств, в которых были бы гарантированы права национальных меньшинств. В конце жизни вернулся в Хорватию.

В книге «Десять лет в стране великой лжи» сын бедных хорватских крестьян Антэ Цилица предстает подлинным интернационалистом, сыном мирового революционного движения начала XX в., врагом всех эксплуататоров, какими бы революционными, патриотическими или демократическими лозунгами не прикрывали они свое господство.

1. *Цилица А.* В редакцию бюллетеня оппозиции большевиков-ленинцев // Социалистический вестн. – 1937. – № 7/8. – С. 23–24.

2. *Ciliga Anté.* LaPresseAnarchiste [Электронный ресурс] / А. Ciliga. – URL: <http://www.la-presse-anarchiste.net>.

3. *Ciliga Anté.* Dix ans au pays du mensongedéconcertant / Anté Ciliga. – Paris : Champ Libre, 1977. – 564 p.

Siberia in the Early 1930s as Viewed by Ante Ciliga, the Croatian Communist

A. N. Sidorov

Irkutsk State Technical University, Irkutsk

The article is devoted to the analysis of memorial monograph titled «Russia: in the Country of the Great Lie» by Ante Ciliga, the Croatian Communist. The author lived in the Soviet Union from 1926 till 1935. He was arrested for taking part in the Trotskyist group in 1935. He managed to leave USSR legally in 1935. Ciliga assessed the social system in the USSR as state capitalism, where the bureaucracy is a new exploiting class. He described the distressful situation of the working class and the peasantry, the manners of the bureaucracy, corruption in the Soviet Union under Stalin rules. This article analyzes the experience of the first period of his exile in Siberia.

Key words: Stalinism, Trotskyism, repression, left communism, the Trotskyists, Siberia, the industrialization of the Soviet Union, collectivization, exile.

Сидоров Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, Институт экономики, управления и права, 664074, г. Иркутск, ул. Игошина, 4, каб. 422, тел. 8(3952)405872, e-mail: v44@istu.edu

Sidorov Andrey Nikolayevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Irkutsk State Technical University, Institute of Economics, Management and Law, 664074, Irkutsk, Igoshin St., 4, office 422, phone 8(3952)405872, e-mail: v44@istu.edu